

Комментарии о Государстве и Бизнесе

10-летний юбилей задачи удвоения ВВП прошел незамеченным, но уроки из ошибок надо извлечь, в том числе из чужих

Задача удвоения ВВП за десятилетие, поставленная В. Путиным в своем послании Федеральному собранию в мае 2003 года, – если не увлекаться статистическими играми (в долларовом выражении, на душу населения ...) – осталась невыполненной. В прошедшем 2010 г., когда закончилась «таргетируемая десятилетка», российский ВВП в реальном рублевом выражении вырос по отношению к 2000 г. примерно на 57%, хотя ряду стран, например, Китаю и Казахстану, этого достичь удалось. А в Катаре за последние десять лет ВВП даже утроился (см. Рисунок ниже).

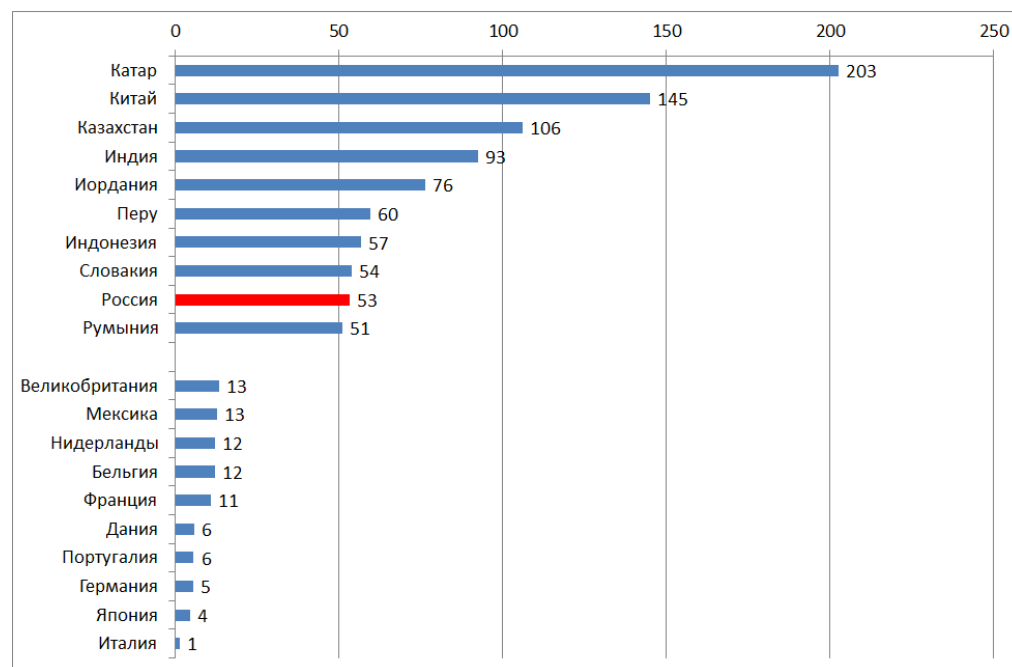
В целом в выборке из 57 стран высокого и среднего уровня развития Россия по темпам прироста экономики в 2001–2009 гг. заняла не такое уж и низкое 10 место со среднегодовым приростом ВВП в 4,8 %. Стоит ли из-за этого посыпать голову пеплом, оглядываться на Китай, который за этот период рос на 10,5 % в среднем за год, и пытаться копировать его методы, включая не только создание свободных экономических зон, экспансию на внешние рынки, массированное привлечение иностранного капитала, но и казни за коррупцию примерно 1000 человек в год³ и однопартийную систему, как призывают некоторые политики? А может быть, вообще, начать копировать Катар и восстановить в России абсолютную монархию?

Вопрос сложный и волнует он не только россиян, но и многие другие страны, чей опыт, зачастую, показывает, что экономическая стагнация может стать устойчивой тенденцией не только при отсутствии реформ, но и при их имитации, то есть при внешне кажущихся правильными шагах национальных правительств. Часто активизм налицо, а результат нулевой, то есть «весь пар уходит в гудок». Что нужно сделать, чтобы Россия не вошла в стадию потерянного десятилетия как Япония или потерянного 25-летия как Мексика?

³ См., например, «Российская газета», «Неделя», от 25 июня 2009 г., <http://www.rg.ru/2009/06/25/korrupcia.html>.

Именно пример последней активно обсуждается в свежем номере одного из авторитетных «академических» экономических журналов – американском «Journal of Economic Literature» в двух объемных статьях, в частности в статье Тимоти Киху и Кима Рича «Почему экономические реформы в Мексике не генерировали экономический рост?»⁴.

Лидеры и аутсайдеры по приросту ВВП среди 57 развитых и среднеразвитых стран, 2009 к 2000 г., %

Источник: База данных IMD, ноябрь 2010 г.

Первый из авторов честно признается, что именно он активно рекомендовал стимулирование экспортной экспансии и меры по привлечению ПИИ в Мексику в середине 80-х годов. Несмотря на близкие темпы роста соотношения внешней торговли и ПИИ с ВВП, а также на проведенную в Мексике фискальную реформу, приватизацию и

⁴ Timothy J. Kehoe and Kim J. Ruhl, "Why Have Economic Reforms in Mexico Not Generated Growth?"// Journal of Economic Literature, 2010, 48:4, 1005-1027.

вступление в НАФТА в 1994 г., в 1985–2008 гг. ВВП на одного работоспособного жителя страны вырос за этот период лишь на 10% (0,4% в год), а в Китае, проводившем сходные реформы, – на 510% (8,2% в год).

Авторы частично объясняют этот феномен, опираясь на фактор низкой базы роста (относительно эталона – США) в качестве объясняющей переменной для темпов экономического роста. С их точки зрения период быстрого роста, который сейчас переживает Китай, Мексика прошла в начале 50-х годов, а в период с 1953 по 1981 гг. среднегодовые темпы роста здесь составляли почти 4%, что в два раза выше базовых темпов роста на уровне 2% в год, свойственных технологическому лидеру 20-го века – США. Поскольку сейчас (в 2008 г.) ВВП на одного человека в трудоспособном возрасте в Китае составлял около 8 тыс. долл. США, то есть лишь чуть более 42% от мексиканского уровня, а ВВП на душу населения менее 6 тыс. долл., или менее 39% от уровня Мексики, то ждать китайских темпов роста в Мексике нельзя. Российская ситуация в этом отношении схожа с мексиканской – ВВП по ППС на душу населения близок к мексиканскому (13400 долл. США в 2009 г.), следовательно, при желании этот аргумент тоже можно использовать.

Из осмысления авторами вышеуказанной статьи большого числа работ, посвященных анализу взаимосвязи внешнеторговой политики и экономического роста вообще, и мексиканского опыта в частности, следует, что для своей успешности экономические реформы должны носить комплексный характер. Авторы статьи пришли к трем основным выводам, имеющим, на наш взгляд, отношение и к российской экономике.

Во-первых, хотя в целом есть прямая и устойчивая связь между долей внешней торговли в ВВП и темпами экономического роста, однако и причинная направленность этой связи в ряде работ подвергается сомнению, и период «легкого» роста экспорта за счет реактивного взлёта нефтяных цен для России остался позади. В Мексике, которая тоже пережила период бурного роста экспорта за счет развития отверточной сборки, воздействие этого фактора на экономику оказалось ограниченным.

Во-вторых, результаты работ авторов, изучавших взаимосвязь степени открытости экономики и темпов экономического роста, на основе «атеоретического», то есть чисто эмпирического, подхода оказались противоречивыми, то есть неясно, выступает ли открытость абсолютным благом. Но это, на наш взгляд, лишь показывает необходимость учета прочих (помимо открытости) факторов экономического роста – улучшения инвестиционного климата, развитости финансовой системы, снижения бюрократической ренты и удельных издержек.

В третьих, расчеты, проведенные на основе использования новых теоретических моделей экономического роста (эндогенный рост а-ля Rivera-Batiz и Romer⁵), где для внутренней экономики очень важен эффект масштаба производства, показывают, что теоретически наибольшую выгоду от внешнеторговой открытости получают небольшие экономики, к которым Россия, увы, не относится. Авторы, в связи с этим, не подвергают сомнениям модель эндогенного роста (которая иногда подвергается критике из-за неполного соответствия эмпирическим фактам⁶), а говорят, что рост внешнеторговой открытости благотворен для экономического роста тогда, когда он не только приводит к снижению цен для потребителей внутри страны, но и изменяет структуру потребления⁷ и влияет на рост совокупной факторной производительности и производительности в секторах экономики вне обрабатывающей промышленности. Важной предпосылкой для этого является не только приток в страну прямых иностранных инвестиций, но и «спонсируемое» ими развитие конкуренции. Возможно, что приток ПИИ в Мексику не привел к росту конкуренции и ускорению роста ВВП потому, что страна оказалась слишком прямолинейно связана с американскими компаниями, что не влияло на общий уровень конкуренции в экономике, в отличие от роста «живительного озноба конкуренции» при притоке иностранного капитала в Китай.

В качестве основных факторов, ограничивавших экономический рост в Мексике, авторы статьи выделяют неэффективность финансовой системы, слабость системы контроля исполнения контрактов, негибкость рынка труда, а также вынужденное, в связи с падением в 90-е годы цен на нефть, резкое сокращение объема господдержки сельского хозяйства и вообще госинвестиций, что не только нивелировало положительные результаты от их первоначального наращивания, но и дезориентировало частный сектор, негативно сказавшись на последующем развитии.

Какие еще уроки из мексиканского опыта применимы для России? Один из них, возможно, состоит в том, что в ближайшие годы на фоне стагнации нефтяных цен Россия вступает в жесткую конкуренцию по качеству экономической политики и институтов не

⁵ Тимоти Киху и Ким Рич указывают в частности, на статью: Rivera-Batiz, Luis A., and Paul M. Romer. 1991. "Economic Integration and Endogenous Growth". *Quarterly Journal of Economics*, 106(2): 531–55.

⁶ Например, в ее рамках трудно объяснить тот факт, что очень значительное увеличение численности исследователей и разработчиков в США с 1950 по 1990 г. не привела к значимому ускорению темпов экономического роста.

⁷ Здесь Тимоти Киху и Ким Рич, видимо, солидаризируются с выводами в работе: Krugman, Paul. 1980. "Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade". *American Economic Review*, 70(5): 950–59.

только с Мексикой, но и с другими странами с близким уровнем развития, чего не было в последние 10 лет. То есть ситуация становится принципиально иной! При этом надо учитывать, что хотя в целом копировать реформы нельзя, однако заимствовать что-то у стран с близким уровнем развития можно, тем более что и они вынуждены будут в большей степени, чем раньше – в период дешевых денег, заниматься созданием новых институтов и методов ведения политики.

Во-вторых, лучше по мере возможностей учиться на чужих ошибках, а не на своих. Например, возможно ошибкой для Мексики оказалось то, что в развитии экспортной активности она в свое время ориентировалась на те же товарные позиции, что и Китай, а не развивала комплементарные виды деятельности, и через какое-то время сошла с дистанции, не выдержав конкуренции с китайцами по издержкам и другим показателям.

Кроме того, анализ чужого опыта говорит о том, что выявление реальных факторов экономического роста в России в предстоящие годы – еще более нетривиальная задача, чем в Мексике, хотя бы в силу разнообразия территории и наличия высокотехнологичного задела. Российским экспертам, видимо, нужно еще хорошо потрудиться, чтобы не увидеть лет через 10–15 выхода очередного номера солидного американского журнала с анализом уже не мексиканских, а российских ошибок.

Валерий Миронов